

Собеседник. — 1999. — № 48. — С. 4, 6

Окончание.

Начало на стр. 1

— Неужели и впрямь от казывается сниматься только из творческих соображений? Вы ведь живете в небогатой стране, где люди частенько используют любую возможность уехать за границу.

— Я — народный артист СССР, лауреат Государственных премий России и Молдавии — как я могу бедствовать? (Смеется.) Живу очень хорошо: у меня самая большая зарплата в театре — что-то около 20 долларов. И пенсию получаю — 12 долларов. Все нормально. Для этого времени. Когда-нибудь будет лучше. Знаете, у меня есть одно большое желание. Может, я, как глупый человек, зря надеюсь, но хочу дожить до нового тысячелетия и увидеть, что жизнь налаживается.

— А почему бы вам в Москву не перебраться — по крайней мере, там у актера есть возможность зарабатывать на собственной популярности...

— О чем вы говорите? У вас в России десять человек актеров нормально живут. Остальные — так, перебиваются. Платят им мизерно — как, впрочем, и в советские времена. Помню, я снимался в Испании вместе с мальчиком, тамошним актером. Он исполнял эпизодическую роль, которая занимала в картине всего одну минуту. Но ему платили в сто раз больше, чем мне, советскому актеру. В СССР считали: не дай бог у тебя такой же дорогой костюм, как у первого секретаря райкома. Сейчас то же самое отношение. А вообще я не очень люблю выезжать из Молдавии — мне по настоящему хорошо только в родном городе.

— Говорят, вы здесь собственный театр открыли!

— Да нет, работаю режиссером в городском. Иногда выхожу на сцену. Но, откровенно говоря, в последнее время мне некогда было серьезно заниматься репертуаром театра. Нужно было здоровье поправлять — зрение у меня пошаливает.

— Публика, должно быть, на спектакли знаменитого Михая Волонтира валом валит.

— Точно так же, как на постановки других режиссеров: есть спектакли, на которых полный зал собирается. А иногда человек двадцать зрителей приходит. Что делать? У людей нет денег на билеты, хотя в наш театр они стоят дешевле, чем пачка сигарет.

— Думаю, в России вас ценят дороже — «Цыган» не сходит с телеэкранов...

— Да не только «Цыган». «Зону особого внимания» тоже часто показывают. Для зрителей я не умер — это счастье. Популярность поддерживает мою жизнь. Мне по-прежнему пишут письма с благодарностью, звонят постоянно... Правда, сейчас меньше, чем прежде. Но с праздниками поздравляют. Умоляют, чтобы я к ним на встречу приехал, просят совета. Вот не так давно выступал перед больными диабетом. Рассказывал, как я живу с этой болезнью и до сих пор не умер. Что посоветовал? Зарядкой заниматься и питаться правильно.

— И конечно, не пить вина!

— Как в Молдавии можно не пить? Надо лишь знать свою меру. Как, впрочем, и во всем остальном.

— Интересно, какой адрес поклонники на конвертах указывают — ведь мало кто знает, где вы скрываетесь?

— Как-то женщина, владелица одной крупной фирмы, отправила мне письмо по адресу: «Страна Советов. Будулай», и я, как ни странно, это послание получил. Кстати, эта женщина предлагала мне поехать на любой курорт — и обещала оплатить все расходы. А ведь она всего две серии «Цыгана» посмотрела.

■ Цыгане называют меня «наш Будулай»

Был момент, когда Михай Волонтир сбился на родной язык — он почти отвык от русского. Кстати, когда актер пробовался на роль Будулая, он тоже говорил по-румынски: по словам коллег-актеров, почему-то стеснялся русского языка.

— Я, к сожалению, вообще некультурный человек, — улыбается теперь Волонтир. — Многих вещей словами объяснить не могу.

— Клара Лучко рассказывает, что ее какая-то деревенская жительница так в глаза и спросила: «Ну, и где твой Будулай!» Вот уж действительно роль, которая вас прославила на весь свет! И тем не менее после Будулая вы, кажется, больше ни одного цыгана не сыграли...

— Да, вечного цыгана играть не хотелось. Эмиль Лотяну звал меня на роль отца главной героини фильма «Табур уходит в небо». Я снялся в пробах, посмотрел на себя и... отказался. Хотя для меня все картины Лотяну — это поэзия.

— Вы, кстати, с Кларой Лучко поддерживаете отношения!

— Клара Лучко — очень хорошая актриса и замечательный человек. Иногда мы переживаемся, но встречаемся, к сожалению, очень редко. Последний раз виделись в Москве пару лет назад.

— А многие до сих пор уверены в том, что она — ваша жена.

— Что, и до сих пор так говорят? На самом деле моя жена — замечательная театральная актриса. Мы вместе работаем, вместе на сцену выходим. А дочь сидит дома, воспитывает ребенка — моей внучке скоро два года.

— В Молдавии живет немало цыган. Говорят, когда «Цыгана» показывают, они все безотрывно перед телевизором сидят. И вообще, считают, что цыган из вас замечательный получился. Не зря вы, видно, накануне съемок учились у своего дяди, настоящего кузнеца, его ремеслу, чтобы роль убедительной получилась.

— В свое время, когда фильм вышел на экраны, цыгане благодарили меня за фильм. И сейчас за своего принимают. Помню, мы с Кларой Лучко выступали в Волгограде на каком-то заводе — давали маленький концерт. Желающих попасть на наше выступление было так много, что все в зале не помещалось. А тут вдруг в разгар концерта вваливается огромная толпа местных цыган — человек триста, со всей области понаехали. Их охранники останавливают: «Нет мест». «Как нет! Это же наш Будулай!» — настаивает табур. И на сцену рвется...

— У цыганского барона, который с вами по соседству в Сороках живет, кстати, много возможностей — он вам поддержку и заступничество не предлагал!

— Ну, что вы (смеется). Сейчас не те времена — каждый о себе думает.

— Ну, что вы (смеется). Сейчас не те времена — каждый о себе думает.

Меня грозили убить за поддержку президента

— Десантники тоже наверняка к вам питают особую симпатию в благодарность за фильм «Зона особого внимания». Им сейчас, кстати, несладко приходится в Чечне. Сочувствуете?

— Не знаю, кому выгодно эта война, но мне ребят жалко. Что тут говорить — дети умирают. Парень восемь месяцев всего отслужил, а его уже под выстрелы посылают. Хотя для пули не имеет значения — подготовлен ты к смерти или нет.

— Но вы же пытаетесь влиять на политику в своем государстве — активно президенту поддерживаете. Петр Лучинский, рассказывают, ваш хороший знакомый. Решили подействовать на осуществлении его набравшей идеи — превращения Молдавии в президентскую республику!

— Я и сам выступаю за то, чтобы жизнь в Молдавии наконец обрела достойные черты. Для этого нам срочно требуется человек, который отвечал бы за порядок и благополучие родины. У нас же ответственность несут все партии разом, а на деле получается, что спросить не с кого. Всю вину сваливают на президента. А у него на самом деле нет никакой возможности изменить ситуацию.

— Ваш президент, насколько я понимаю, — самый бесправный во всем СНГ!

— Да, хотя у президента в Конституции прописано достаточно прав, однако на деле воспользоваться ими он не может.

— Именитых актеров часто используют для предвыборной агитации. Вас тоже уговаривали и пытались купить!

— Депутаты самых разных партий ко мне обращаются часто: поддержите меня, заплачу любые деньги. Мне от этого становится грустно. Категорически отказываюсь. Но за поддержку президента никто мне денег не предлагал. Случись такое, я, возможно, еще бы хорошенько подумал, поддерживать ли мне его. Я могу быть только за тех, кто мне по сердцу.

— Но в парламентских заседаниях вы все же участвовали. В качестве депутата!

— Нет, как приглашенный. Ко мне многие люди приходили из разных районов Молдавии, просили выставить свою кандидатуру на парламентских выборах. Но мое дело — актерское. Зачем садиться в чужие сани?

— И тем не менее вы не одну политическую акцию провели. Многие были свидетелями того, как вы однажды вышли на сцену и заявили: «Я, народный артист Молдовы, не могу смотреть на то, что творится сегодня в республике. И сделаю все, что в моих силах, чтобы хоть что-нибудь изменить к лучшему». Как оценили ваш порыв?

— Да я не для того, чтобы меня оценивали, так сказал... Конечно, кто-то меня за это благодарил, кто-то ругал. Даже письма с угрозами присылали — убить пообещали.

— И стоило так рисковать!

— Наверное, сам я ничего не могу изменить в этой жизни. Не хочу ничего сказать против свободы, которой сегодня многие пользуются. Некоторые люди, к примеру, сумели построить себе очень хорошие дома — дворцы! На здоровье. Что же в этом плохого? В моем театре расположились два бара — это прекрасно, потому что я могу в любой момент спуститься по лестнице и выпить кофе. Иногда — с коньяком! Так что я за переход к рыночной экономике. Только пусть огромные деньги, которыми многие сегодня владеют, зарабатываются честным трудом. Но многие, увы, так жить пока не умеют. И пользоваться волеизъявленной свободой не умеют тоже. Нас воспитывали не через душу, а через силу. И мы повели себя, как животное, которое долго было привязано к забору, но ему вовремя приносили воду и пищу, своевременно доили. А когда отвязали — оно перепрыгнуло через забор и отправилось топтать все, что попадалось по дороге.

— Но вы же так любите животных!

— Я очень люблю животных. Но все же больше — людей.

■ Самые разумные — женщины, собаки и лошади

— Простите за откровенность, но один мой знакомый режиссер сказал как-то: «Волонтир вообще не следовало заниматься актерством — он слишком привязан к своей родине. Ему стоило работать на земле или разводить лошадей...»

— Я действительно работал на земле с двух лет — в нашей семье строго распределялись обязанности, и каждый должен был работать на отдельном участке земли. Актером я стал случайно. Вообще-то мечтал учиться на летчика, но меня в военное училище не приняли, якобы из-за плоскостопия. Хотя на самом деле другая причина была — мой отец и дед служили в царской армии, и это кому-то не понравилось. Я устроился работать в карьер простым рабочим. Иногда вырывался на спектакли, которые показывали в молдавско-русском музыкально-драматическом театре. Восхищался игрой замечательного актера —

Валерия Головаченко. Готов был чемоданы его таскать. Но таскать приходилось тяжелый пекосок...

— Как же вам все-таки удалось угодить из карьера на сцену?

— Нашел любительский театр, начал играть. Там меня заметил еще один замечательный режиссер — Мустапов. Это был 1956 год: он взял меня в труппу. Помню, пригласил как-то домой. На столе лежали квадратники черного хлеба, папиросы и были расставлены шахматы. Мы просидели вечер за шахматной доской. Играл я, надо сказать, отвратительно, но это было неважно, потому что режиссер в тот момент рассказывал мне истории про великих актеров.

Шесть лет я проработал в его театре. К тому времени меня уже часто приглашали сниматься в кино, но учитель не разрешал. А потом вдруг сказал: «Я даю тебе полный карт-бланш». «Что такое карт-бланш?» — переспросил я, изумленный.

— Вы как-то сказали, что самые разумные существа на земле — это собаки, женщины и лошади. Для себя вы их именно в такой последовательности располагаете!

— Да нет. Женщины, конечно, на первом месте. Но собака и лошадей я тоже считаю мудрыми.

В гримерке Волонтира, уютно расположившись на пороге, за разговором внимательно следила дворняга. Кажется, подслушивала, потому что на последней фразе хозяйина подняла голову и благодарно вильнула хвостом.

— Она все понимает — улыбнулся актер. — Удивительно умный пес. Мне его три года назад — тогда еще маленького щенка — кто-то впустил во двор. Я его случайно увидел — подождал, припаласкал... С тех пор он верно стережет театр. Знает всех, кто здесь работает, — ни когда голоса не подает. Но если кто-то задумает пробраться в театр ночью — уйдет без штанов.

— Как трогательно у вас с животными складываются отношения! А с женщинами так же!

— Ну, что за вопросы вы задаете старому человеку? (Смеется.) Мне же давно помирать пора, а я все живу. Хотя на самом деле стариком себя не считаю — ощущаю себя года на двадцать четыре, не больше.

— Сил на то, чтобы поохотиться или на лошади проскакать, еще хватает!

— Моя последняя лошадь околела семь лет назад. А всю дичь в Молдавии истребляют теперь не охотники, а браконьеры. Помню, в мое время была специальная книга заповедей, которые охотник должен был знать наизусть — просьба каждого животного: дай мне шанс выжить. Настоящий охотник никогда не пристрелил зайца, который спит, развалившись на борозде. А сейчас на животных идут с десатизарными ружьями, автоматами и вертолетами.

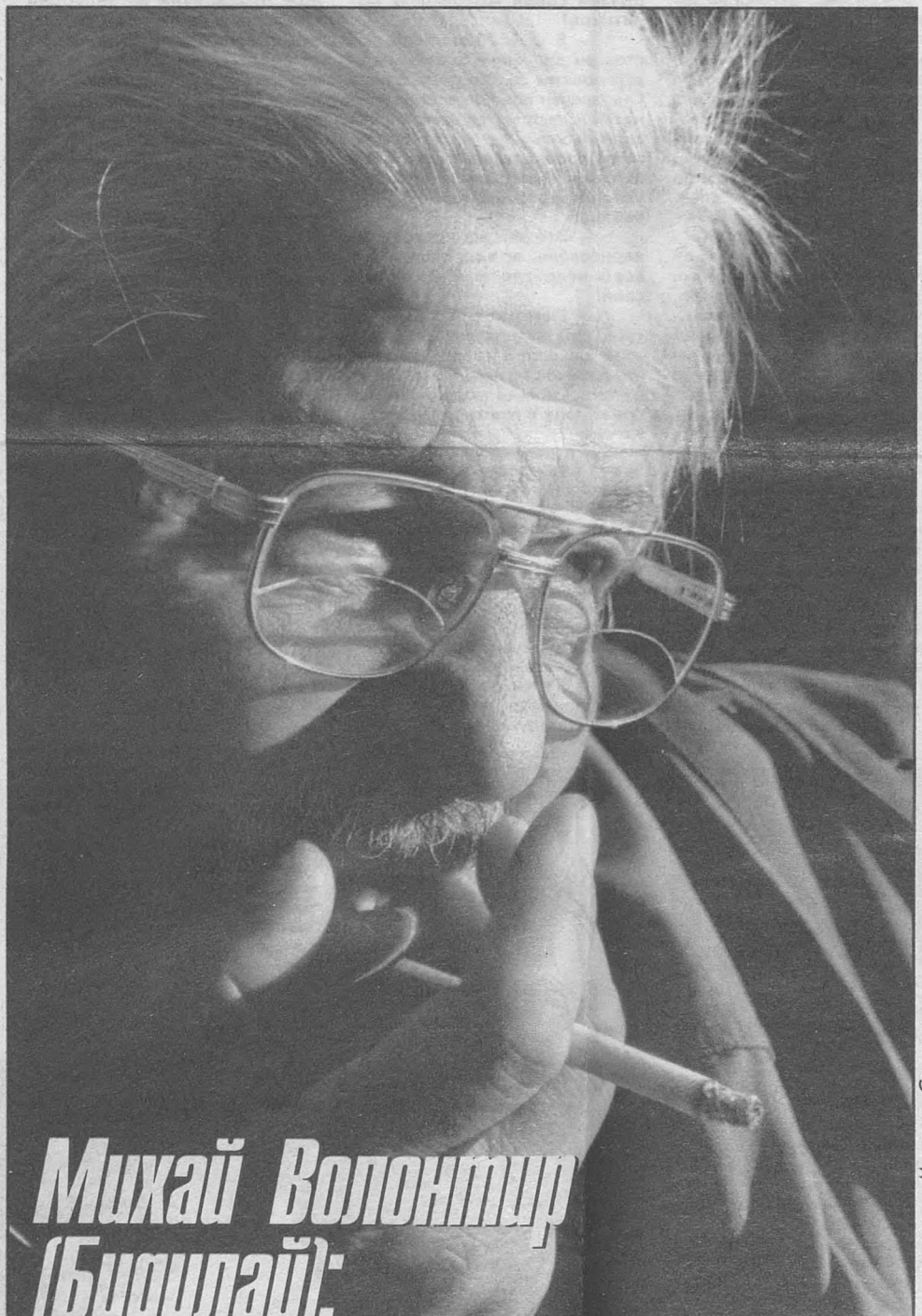
Да и вообще многое изменилось. Мне стыдно за нынешнее поколение: пройдите вечером по Бельцам — кроме мата, вы ничего не услышите...

— Ну вот, а вы говорили, что лучше всего чувствуете себя в родном городе.

— Как сказал великий еврейский писатель Шолом-Алейхем: «Если ты не любишь свой задрипанный дом, свою грязную улицу — как ты можешь любить другие города и иные народы?» Вот и я так считаю.

Потом, в продолжение разговора, мы сидели у костра на берегу реки, и Михай Волонтир задумчиво пел печальную песню. Он совсем недавно выпустил собственный альбом на румынском языке, который в России вряд ли увидят. «Из-за границы мне написал артист, который уехал от безденежья и теперь стал миллионером. Зовут... Другой актер сказал мне: если ты останешься в Бельцах — будешь ходить без штанов. Да, у меня нет даже лишнего лея, чтобы купить себе приличную обувь, но я беспредельно счастлив, что живу в городе своей молодости. Не знаю, чем ты обворожила меня, моя бедная родина. Но я никогда от тебя не уеду». Так пел известный актер Михай Волонтир и, кажется, плакал.

Мария ШЕВЧЕНКО. Бельцы.

Михай Волонтир (Будулай):

Мужики, хватит драться!

фото на полосе Михая Сердюкова